

**ИГОРЬ
КАРАУЛОВ**
**ТРУДНЫЙ
ВОЗРАСТ
ВЕКА**

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Игорь Александрович Караулов
Трудный возраст века
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57284523

Трудный возраст века: Городец-Флоид; Москва; 2020

ISBN 978-5-907220-44-7

Аннотация

Игорь Караулов не только знаменитый поэт, но и один из умнейших политических обозревателей современной России. Спокойный голос, ирония, глубина взгляда и широта подхода делают каждое его высказывание событием. В настоящей книге автор ретроспективно оглядывает 2010-е – десятилетие Трампа и Брексита, Майдана и Русской весны, Павленского и Pussy Riot, etc., – этот взгляд необходим, чтобы, сделав выводы, сформулировав итоги, придя к обобщениям, – двигаться дальше, в третье десятилетие XXI века, не наощупь, а в свете понимания прошедшего.

Содержание

Предисловие автора	5
Пустяковые люди	8
Не тех распяли	12
Сексуальное примирение	16
Простодушные Сталина	20
12 друзей Мединского	24
Скептики сраму не имут	28
Власть поэтов	32
Имперская линза	36
Новые кербабаевы	41
Певец Кавказа и крымская платформа	47
Пастернак: поэт против проекта	52
Бродский наш	59
Памяти демона	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Игорь Караулов

Трудный возраст века

© И. Караулов, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

© П. Лосев, оформление, 2020

Предисловие автора

В эту книгу вошли статьи, написанные мною для нескольких печатных изданий и сетевых ресурсов, в числе которых «Литературная газета», сайты «Свободная пресса» и «Русская Idea», портал «Литература» и интернет-журнал Fitzroy Magazine, однако ее основу – более двух третей объема – составили мои регулярные публикации в газете «Известия» и «Агентстве политических новостей» (АПН).

Колумнистом «Известий» я был чуть больше трех лет – с самого конца 2012 года по февраль 2016 года. После разгона известинского отдела мнений, «команды Бориса Межуева», я стал писать примерно в том же формате для АПН, и это продолжалось еще три года, до середины 2019 года. Людей в возрасте от 13 до 19 лет называют «тинейджерами», по-нашему – подростками, стало быть, время действия книги можно определить как «подростковые годы двадцать первого века».

Если собрать все написанные за эти годы колонки, то из них можно было бы составить весьма толстый том. В то же время книга, предлагаемая вашему вниманию, довольно компактна. Причина понятна: не все, что публиковалось в периодике, имеет смысл включать в книгу. Что-то утратило актуальность, что-то чересчур мелко, что-то было бы уже непонятно читателю без подробных примечаний.

В своей работе колумнисту случается писать на самые разные темы: какие-то из них волнуют его лично, какие-то необходимо отработать, поскольку они у всех на слуху, а какие-то очень просит осветить главред. Поэтому, оглядываясь назад, я иногда удивляюсь: о чем мне только не доводилось писать! Очередная речь национального лидера, итоги выборов в России и других странах, митинги оппозиции, теракты, этнические погромы, авиакатастрофы, крупные ДТП и даже падение метеорита. Вся эта текучка поначалу сочиняется за милую душу, но достаточно скоро желание высказываться на подобные темы притупляется. В самом деле, за одной эпохальной речью следует другая, столь же бессмысленная, митинги оппозиции всегда проходят одинаково и никогда ни к чему не приводят, а по поводу взрывов, лесных пожаров, эпидемий и иных форс-мажорных обстоятельств трудно удержаться от соблазна давать одни и те же ценные советы, одинаково дилетантские и малоисполнимые.

Если в начале десятых годов центральной темой общественной жизни были уличные протесты, то годы, отраженные в книге, объединяет другая тема или, вернее, пучок родственных тем. Это украинский Майдан и все, что стало его следствием: присоединение Крыма, борьба за Новороссию, западные санкции. Например, в 2014 году я писал, кажется, почти исключительно об этом. Этот главный сюжет эпохи, разумеется, обнаруживает себя то в одном, то в другом эпизоде сборника, однако от основного массива текстов этой те-

матики пришлось отказаться. Сегодня они, скорее, могли бы служить материалом для исследователя радужных надежд, идейных метаний и горьких разочарований того времени.

Что же в результате осталось? Прежде всего, это статьи о литературе – области, которая мне известна лучше всего. К ним примыкают тексты, посвященные культуре и в первую очередь ее наиболее политизированной части – актуальному искусству (Pussy Riot, Павленский, Гельман). Я никогда специально не стремился писать о кино, но кое-что и в этой сфере никак нельзя было обойти вниманием – так, в разное время я написал целых три колонки про сериал «Игра престолов».

Разговор о литературе – это прежде всего разговор о личностях, ее создающих. Моими героями в эти годы становились и классики, такие как Бродский, Евтушенко, Пастернак, и современники – например, литераторы Дмитрий Быков, Алексей Улюкаев и даже рэпер Оксимирон. Поэтому в сборник естественным образом вошли и другие очерки биографического характера, посвященные таким фигурам, как Леонид Брежнев и Аллан Чумак, Фидель Кастро и Виктор Анпилов.

Завершившуюся эпоху можно воспринимать по-разному. Одним она кажется вереницей бурных и неожиданных событий, другим – тягучим временем застоя. В этой книге я попытался дать ее портрет глазами взвешенного, но неравнодушного наблюдателя.

Пустяковые люди

В издательстве «Алгоритм» вышла книга Надежды Толоконниковой «Pussy Riot. Что это было?». С ней какая-то запутанная история, хотя бесконечная путаница – обычное дело в жизни прославленного женского коллектива. «Что это было?» – вероятно, спрашивает и сама Толоконникова, которая в отличие от Чернышевского и Гитлера никаких книг в тюрьме не писала. Выходит так, что книжка возникла неизвестным природе способом и издана без согласия «автора». У издательства то ли шли, то ли не шли какие-то переговоры с вездесущими адвокатами (теперь уже бывшими), но и от них никакого разрешения не поступало. Теперь «Алгоритм» извиняется, но об изъятии книги из продажи вроде бы речи нет. Помчится ли по пригоркам собачья свадьба исков и разбирательств или же стороны договорятся полюбовно, не так уж и важно. Это лишь один из эпизодов, показывающих, что проект Pussy Riot уверенно входит в свою последнюю фазу: извлечение и подсчет барышей. Все меньше говорится о высоких идеях, о борьбе с мракобесием. Все глуше звучат призывы к освобождению осужденных. Все чаще мелькают цифирки и валютные единицы: доллары, фунты, евро. Вокруг бухгалтерии начинается мелкая возня и грызня. Как говорила дама в одной редакции: «Для меня главное – (пауза и дальше торжественно) Сумма Прописью!»

Идейным защитникам панк-группы нынче неуютно, они тоже спрашивают себя: что это было? Мне обидно за умных и образованных людей, увязших в этой кампании. Мне хочется им сказать: ваш грех не в том, что вы не любите РПЦ, ее патриарха или русский народ с его грубоватой верой. Может быть, все это любить и не нужно. Ваш настоящий грех вот в чем: вы стали слишком сильно увлекаться пустяковыми людьми. Понять это увлечение можно: пустяк плакатен и однозначен. Пустяк бросается в глаза. К пустяку испытываешь теплое покровительственное чувство: в конце концов, это всего лишь пустяк. Пошли в храм, спели-сплясали. Ну глупость же, право слово. Но молодцы ведь девчонки! Дуры, конечно. Но молодцы.

А вы не боитесь всю жизнь так вот и провести наблюдая за плясками картонных дурилок? Не возникает ли у вас тоска по осмысленным, дельным людям, еще существующим в нашей стране? Я не буду говорить о «людях труда», которые «практически исчезли с наших телеэкранов», – об этом пусть вздыхают первые лица. Я приведу пример собственно невежества. Недавно мой приятель показал мне фотографию. На ней я увидел пожилого, но подтянутого человека с умным русским лицом. И в то же время так мог бы выглядеть британский аристократ. От этого человека веяло значительностью, масштабом личности. Приятель назвал мне его имя: Николай Николаевич Телегин. Должность: генеральный конструктор выстрелов наземной, морской и танковой ар-

тиллерии. Не знаю такого. Я отличаю Равшана от Джамшуда и Шаца от Каца. Я, никакой не болельщик, знаю фамилии футболистов, купленных «Анжи» и «Зенитом». Телегина – не знаю. Он не засекречен, как некогда Королев. Он просто неинтересен публике. Неинтересно ей и дело, у руля которого он стоит (между прочим, перспективная статья несырьевого экспорта).

Мне кажется, если бы в наш мир снова пришли академики Сахаров, Лихачев, Аверинцев, мы бы их попросту не услышали. Наша оптика больше не настроена на личности такого масштаба. «Академик? В каком стиле играет?» – как сказал бы один не оцененный при жизни мудрец. В ходу развлечения, пляжные аниматоры – в телевизоре, на митингах, в блогах. Самый наглядный пример – Собчак вчера и Собчак сегодня. Да, Анатолий Александрович не был научным гением, а Ксения Анатольевна вовсе не глупа, но очевидна же разница величин между вожаком перестроечной оппозиции и Жанной д’Арк сегодняшнего протеста.

Но разве одна интеллигенция увлеклась пустяковыми людьми? Разве власть от нее отстает? Ведь именно власть своим упрямством впихнула Pussy Riot в центр общественного внимания. Сейчас она надувает новый воздушный шарик по имени Леонид Развозжаев. Враг государства № 1 найден, и это торговец меховыми шапками. Галантерейщик против короля! Он и его дружок Удальцов, профессорский сын, неспособный поднять руку на таракана. Ну не смешно ли?

У нас безбилетники режут пассажиров в трамваях. У нас девушки вратарей зрения лишают, пронося петарды в причинном месте (вот она, школа радикального акционизма). У нас пьяные джентльмены и даже трезвые дамы пачками сбивают пешеходов на остановках. Вот что на самом деле угрожает гражданам, а значит, и государству. Если долго стрелять по воробьям, то можно поверить, что они – драконы. Или что драконы – именно они. Преследуя переворотчиков уличных биотуалетов, можно проглядеть признаки настоящего переворота.

«Известия», 23.11.2012

Не тех распяли

Рональда Макдональда распяли на кресте. И плюшевого медведя тоже пригвоздили. И много кого еще от души истязают и мучают в инсталляции из пластмассовых фигурок, напоминающей картины босхианского ада. Это изделие американских художников, братьев Чепмен, приехало на выставку в Эрмитаж. А потом туда пришли православные. Сто семнадцать верующих, славных ленинградских казаков, посетили экспозицию. Сто семнадцать заявлений отправилось в прокуратуру. Теперь Эрмитаж проверяют на предмет экстремизма. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский взбешен: «Только идиоты могут считать, что указанная инсталляция оскорбляет крест, и не понимать, что речь идет о страшном суде, который приходит в наше время и который изображен братьями Чепмен».

Хорошо, кстати, что в Эрмитаже нет Босха. Уж его бы сразу разоблачили. То у него грешники занимаются чем-то похожим на групповое соитие, то вообще откровенные черти намалеваны. Прокуратуре было бы чем заняться.

Впрочем, Босх свое огреб еще в XVI веке. Нидерландские протестанты истово верили в Бога, но разоряли церкви и жгли иконы не хуже наших безбожников-комиссаров. Работы Босха, ван Эйка, других глубоко религиозных художников уничтожались во имя Христа – такой вот был поучи-

тельный парадокс.

Наши ревнители веры пока еще не бегают по музеям с кабриолетами керосина. Долгое время в фокусе их активности был Марат Гельман. Где скандал, там Гельман. Где Гельман, там скандал. Не далее как в мае его буквально оплевали на открытии выставки «псевдоикон» в Краснодаре. Но с Гельманом все понятно: уж такую репутацию заслужил он себе на земле русской, что даже обычная каноническая икона, выставленная в его «музейном пространстве», была бы воспринята как провокационный жест.

Пиотровский – иное дело. Его-то никак нельзя назвать провокатором. Более того, директор Эрмитажа – в силу самой должности неоспоримый авторитет в искусстве (почти как Онищенко¹ в санитарии). А Эрмитаж – главный российский храм искусства.

Мы помним, как жестко, избыточно жестко отреагировало государство, когда панк-группа попыталась нарушить сакральное пространство главного православного храма страны. Сейчас у властей есть возможность восстановить «равновесие силы» и дать по рукам православным джедаям, чтобы отбить у них охоту лезть со своим уставом в те сферы и учреждения, в которых они ничего не понимают и где их не любят и не ждут. Конечно, речь не о том, чтобы раздать 117 человекам по «двушечке», но как-то их все-таки хочется

¹ Геннадий Онищенко – эпидемиолог, с 1996-го по 2013 г. глава Роспотребнадзора.

ткнуть носом в кошачий лоток. Для начала стоило бы вывести на дверях прокуратуры табличку: «Заявления от казаков на художников не принимаются».

А с другой стороны, вправе ли я призывать державный молот на головы искусствоведов в лампадах? Это ведь тоже ростки гражданского общества. Прошлогодние болотные декабристы разбудили дремавшее болото; теперь кикиморы пишут письма в прокуратуру. Если кто-то думал, что гражданский протест – естественная монополия просвещенных и либерально мыслящих людей, то он ошибался. Вот вам, пожалуйста, православно-консервативный протест.

И даже больше можно сказать: в то время как политическая оппозиция раз за разом выходила на улицы под однообразными абстрактными лозунгами в стиле «долой самодержавие», реакционеры и «мракобесы» осваивали на практике инструменты гражданского общества. Небольшие, а местами и полумифические группы православных общественников действовали точнее, конкретнее и оперативнее неповоротливых белоленточных толп. Нужно ли было утеснить геев, или прижать хвост обнаглевшей Мадонне, или сорвать спектакль, или добиться запрета фильма – всюду мелькали летучие казачьи разъезды и стайки равнодушных верующих. Не всегда им сопутствовал успех, но всякий раз они заставляли о себе говорить. От этого у тонко чувствующих интеллигентов случались нервные припадки и утомительные партсобрания в соцсетях.

Клерикальное наступление выглядит столь впечатляющим, что впору и в самом деле задуматься о защите светской территории культуры, науки и образования. Наконец, о защите прав атеистов (ведь должны же и у них быть какие-то права). И если бы мне было позволено давать советы вождям креативного класса, то я сказал бы им так: да отложите вы в сторону ваши наполеоновские лозунги. В обозримом будущем верховная власть вам не светит. А вот защитить театр или выставку от благочестивого разгрома – это ваша тема и ваш интерес. И раз уж вы до сих пор в состоянии выводить на улицы тысячи людей, то почему бы не выбирать для этого более конкретные поводы?

Между прочим, по этим вопросам нет непримиримого антагонизма с властями: наши чиновники и такие и сякие, но никто из них не Савонарола и даже не Победоносцев. Вряд ли они горят желанием загнать страну в монастырь, но, знаете ли, «общественность требует». Православная общественность, какая же еще. Так покажите же себя более убедительной общественностью, господа вольнодумцы!

Пока же площади готовятся вновь услышать бессмысленное «долой», а в Эрмитаже неторопливо работают прокурорские.

«Известия», 10.12.2012

Сексуальное примирение

Навязчивая пропаганда всегда раздражает. Мне, например, хотелось бы запретить пропаганду арбидола, особенно детского; я знаю по своему опыту, что это снадобье ни от чего не лечит. Мне хотелось бы запретить пропаганду тщеславия, шопоголизма и продажной любви, то есть всего того, что вы найдете в любом глянцево-м журнале. Но не это беспокоит нынче Государственную думу. Она переживает из-за пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. Законопроект о запрете такой пропаганды был принят в первом чтении почти единогласно, при поддержке всех фракций.

Знать бы еще, где эта пропаганда водится и в каких формах бытует. С трудом представляю себе, как в школу приходит кокетливый дяденька с серьгой в ухе и начинает просвещать учеников насчет однополой любви. Не исключено, что школьники его сами просветят на любую тему, от наркотиков до японского порно. Может, речь идет о фильмах, спектаклях? Но они и так уже, где только можно, помечены грифами «16+» или «18+». Не иначе, супостат засел в недрах самой школы, где на уроках истории ребенку могут встретиться бисексуальные цари Иоанн Грозный и Петр Великий, на уроках музыки – Чайковский, которого «мы любим не только за это», а в список внеклассного чтения того и гляди затешется Федерико Гарсия Лорка, расстрелянный гомофобами.

Впрочем, предлагаемый закон трудно назвать драконовским. Если какая-нибудь мощная сила наподобие Мировой Закулисы всерьез возьмется попирать традиционные народные ценности, штраф в размере 4-5 тыс. рублей с физического лица покажется ей булавочным уколом, да и не всякое юридическое лицо обеднеет из-за уплаты 400-500 тыс. рублей штрафа. Досадность законопроекта в другом: это еще один кирпичик в стене отчуждения, которая строится между государством и его гомосексуальными гражданами. Фактически эти граждане ни с того ни с сего поставлены под подозрение и рассматриваются как подрывной элемент. ЛГБТ-сообщество не остается в долгу: лозунги «болотной» оппозиции шли в этой среде на ура. В протесте Pussy Riot гомосексуальная тема переплелась с антицерковной и антиправительственной. Гей-патриот, гей-государственник становится неммыслимым явлением.

Можно спорить о том, обусловлена ли гомосексуальность генетически или же она – следствие дурного, по Альмодовару, воспитания. В конечном счете это не так уж важно. Мировая история учит нас, что однополая любовь неискоренима и жить нам с ней бок о бок до скончания веков. Нагромождение одного мелочного запрета на другой – довольно жалкий ответ на гомосексуальный вызов. Тот, кто диктует этот ответ, и есть тайный враг и подрывник стабильности. Напротив, назрела необходимость объявить политику национального примирения по отношению к гомосексуальным

людям.

У нас ведь очень сильное государство. Это достижение последнего десятилетия, и мы им гордимся. Наше государство смогло передвинуть часовые пояса, удлинить Москву чуть ли не до Калуги. Пока оно так сильно, оно может себе позволить сделать то, чего в иное время пришлось бы добиваться с боями: признать если не однополые браки (пусть слово «брак» останется священным), то однополые гражданские союзы, по своим правам практически приравненные к семьям. Не надо говорить о том, что «народ не поймет». Вряд ли обывателя так уж волнует, каким образом оформит свои отношения пара улыбчивых молодых людей, снимающих соседнюю квартиру. У нас не Франция, и сотни тысяч у нас протестовать не выйдут. У нас выйдут протестовать только малолетний провокатор Дмитрий Энтео и три десятка его приспешников, которые по грехам и диагнозам своим куда вреднее для общественной нравственности, чем целующиеся девушки.

Но одной формальной легализации гражданских союзов недостаточно. Чтобы расписаться с партнером, скрытому жею нужно «выйти из шкафа», а на это у нас до сих пор решаются немногие. И тут могли бы сказать свое веское слово партийные организации. Было бы здорово, если бы «Единая Россия» и союзные с ней партии убедили геев и лесбиянок в своих рядах (только не говорите мне, что таковых не имеется) стать первыми, кто пересечет порог загса вместе со сво-

ими возлюбленными. Этот пример вернул бы сотням тысяч людей в стране доверие к власти.

Иными словами, проблему ЛГБТ надо выводить из области глумливых шепотков и перемигиваний в область открытого и честного разговора. Когда гомосексуальность перестанет восприниматься как что-то запретное и гонимое (и в то же время элитарное и продвинутое), тогда и бороться с ее пропагандой будет незачем, мы же не устраиваем трагедию из пропаганды арбидола, даже если она нас раздражает.

«Известия», 26.01.2013

Простодушие Сталина

Русская революция оказалась кровавой, холодной и голодной, но она не была фатальной для будущего страны. Многие народы прошли через эту напасть, оставив ее позади как более или менее романтическое приключение. Очистительная гроза была неизбежна; как ни восхваляй «Россию, которую мы потеряли», а все же повсеградный хруст французской булки не мог заглушить «Интернационала». При всем трагизме царубийства и братоубийства сама по себе революция была лишь половинкой беды. Настоящая беда в том, что ее так и не сменила реакция. Наступления реакции ждали и люди начитанные, знавшие судьбу прошлых смут, и граждане попроще – те, кто еще надеялся пожить человеческой жизнью. Но, увы, большевики не проиграли гражданскую войну. Их не свалили ни кронштадтские матросы, ни тамбовские крестьяне.

Последний шанс на реакцию был упущен в конце 1920-х годов: вопреки надеждам сменовеховцев и страхам поэта Маяковского, нэп не переродил советскую власть в буржуазном духе, фарфоровые слоники с комодов хорошеньких комиссарш не пошли на штурм Кремля. Именно на это время приходится созревание Сталина как политика: из заядлого спорщика на шумных толковищах Политбюро и ЦК он превращается в одинокого вождя с трубкой, постепенно обрас-

тающего армией бронзовых и каменных двойников.

Сталинско-антисталинские споры, до сих пор пылающие у нас и по юбилейным поводам, и без таковых – это разговор не о личности Сталина, не об эффективности его «менеджмента» и даже не о «миллионах расстрелянных» – многих ли волнуют чужие могилы? Это прежде всего разговор о судьбе интернациональной химеры – советской элиты, образование и распад которой составляют, может быть, главное содержание нашего XX века.

Самый страшный грех Сталина перед этой элитой заключается в его простодушии, то ли искреннем, то ли наигранном. Он, кажется, принял за чистую монету слова Ленина о том, что «каждая кухарка может управлять государством» – и организовал массовые «ленинские» (а на деле, конечно, сталинские) призывы в правящую партию, натащив в нее, как мы бы сейчас сказали, «Уралвагонзавод» и всяких «Свет из Иванова», которые тут же стали теснить старую гвардию – языкастых публицистов, пообтершихся в Америке и Европе. Он слишком серьезно отнесся к догмату о национализации средств производства. Отсталый кавказский семинарист не захотел понять простой двухходовки: сначала мы национализируем активы, а потом их приватизируем, но только в свою, революционную пользу.

Троцкий обвинял Сталина в попытке «российского термидора» – и был, как водится, в корне неправ, ведь термидор означал конец террора, тогда как у Сталина были совсем

иные планы. «Сам ты термидор», – мог бы сказать ему Сталин. Левая фраза, которой щеголяли троцкисты, не должна вводить нас в заблуждение – мы еще помним перестроечную борьбу с бюрократизмом и привилегиями, помним лозунг «Больше света, больше социализма», под которым остатки социализма успешно рушились. Если бы партийная оппозиция победила в конце 1920-х, то логика развития (отказ от построения социализма в одной стране и постепенное разочарование в перспективах мировой революции) неизбежно привела бы новых хозяев России к превращению в класс собственников.

У нас могли быть совсем иные 1930-е годы, больше похожие на 1990-е. Зиновьев и Каменев в роли Собчака и Попова. Акционерное общество «Метрополитен им. Кагановича», акции которого оформлены на жену того же Кагановича. Усатые комбриги, обживающие Лазурный берег с очаровательными дворяночками. Самуил Маршак, приватизирующий «Детгиз». При всей опереточности картинки такой поворот в конечном итоге обернулся бы благом для страны: если уж 1990-е были неминуемы, лучше было их пройти на 60 лет раньше.

Но Сталин не оценил остроумия замысла: вместо того чтобы позволить новой знати обрасти землями и заводами, он запустил механизм ее уничтожения. Несостоявшиеся банкиры, стальные короли, пивные бароны, газетные магнаты – вот кто, помимо прочего, был пущен под нож в 1937-м.

Альтернативное будущее страны. Известное замечание Сталина об ошибке Ивана Грозного, не ликвидировавшего пять боярских родов, показывает, что и сам Сталин осознавал свой террор как борьбу со своего рода «боярством».

Впрочем, в этой борьбе Сталин не мог быть успешнее царя Ивана. Новая знать оказалась живучей: пережив разгром, она мигрировала в прессу, культуру, гуманитарные науки. Война с призраком Сталина сделалась ее кровным, семейным делом. При Хрущеве «дети Арбата» громко заявили о себе, а при Горбачеве – Ельцине их ждал запоздалый реванш: они получили не так много власти и собственности, зато полное информационное господство на целое десятилетие.

Но Бог любит троицу, и в четвертый раз советской химере уже не расправить крылья, у нее больше нет на это сил. Интеллигенция, жадно ловившая каждое слово своих духовных авторитетов, давно сгорела в пламени рынка. Городской потребительский класс, почему-то названный «креативным», оказался ненадежным союзником. Горстка публицистов из хороших семей продолжает встревоженно говорить про «новый 1937-й», но их голос заглушается звяканьем «гребаной цепи». Когда они замолчат, мы скажем: Сталин умер.

«Известия», 13.03.13

12 друзей Мединского

То, что было сказано во времена немых фильмов, остается справедливым и в эпоху 3D: главнейшим из всех искусств для наших властей является кино – и чем дальше, тем главнее. Правда, судя по пятничному совещанию Владимира Путина с представителями российской фабрики грез, условия и содержания партнерства наших киноделов с государством начинают меняться.

Во-первых, высочайшая забота, кажется, обещает нашей кинопромышленности не столько прилив новых вкусных денег, сколько строгую отчетность за каждую копейку. Деньги предложено давать не просто хорошим и заслуженным людям, а на конкретные проекты.

Во-вторых, президент признал, что зритель все равно пойдет на новый импортный блокбастер, даже если билеты на российский фильм будут стоить в несколько раз дешевле. Стало быть, не стоит конкурировать с Голливудом в производстве «фантастических триллеров с элементами мистики». Лучше сосредоточиться на том, чего никогда не сделают за границей – продвигать нашу повестку дня, наших героев и наши сюжеты.

На роль такой повестки дня претендует «список Мединского», содержащий 12 тем для фильмов, которые готово финансировать государство. К сожалению, министр культу-

ры не огласил всего списка, ограничившись лишь несколькими примерами: столетие Первой мировой войны, борьба с наркоманией и жизнь героев труда.

Не знаю, что получится с героями труда. В Советском Союзе снимались фильмы о трудовых династиях, но все же и тогда население предпочитало смотреть кино про шпионов, про любовь и про симпатичных жуликов. Наркомания – штука скользкая, грань между борьбой и пропагандой так тонка, а Госнаркомконтроль у нас такой бдительный, что не каждый решится и денег на это взять. А вот историческое кино, как с привязкой к юбилеям, так и без таковой – благодатнейшее поле, на распашку которого не жалко никаких средств.

У нас перед глазами есть пример: великая традиция британской костюмированной драмы, в развитии которой немалую роль сыграла и продолжает играть государственная компания BBC. В результате почти вся британская история экранизирована, причем качественно и с любовью. Нет плохих эпох, нет плохих монархов: и гордая Елизавета I, и безумный Георг III, и безвластные, но такие милые Виндзоры – все они находят свое место на экране и в голове зрителя.

А что у нас? Наша история так слабо отражена в кино, что просто плакать хочется. Несколько лет назад вышел хороший сериал «Раскол». Можно спорить, правильно ли в нем изображен царь Алексей Михайлович, но ведь до этого мы вообще не имели возможности увидеть его на экране! А ведь это огромнейшая и важнейшая эпоха. Ивана Грозного мы

можем наблюдать в трех вариантах: в фильме Эйзенштейна, в комедии Гайдая и в недавнем фильме Лунгина. Неужели нам нечего больше сказать об этом времени? А вот англичане о своем Генрихе VIII, по кровавости не уступавшем нашему Ивану, говорить не стесняются. Он и на магнетиках для холодильника, он и в книжках, он и в гламурном сериале «Тюдоры». А великий дед грозного царя – Иван III? Эпоха обретения независимости, эпоха первого приобщения к Европе, строительства кремлевских соборов – и полное молчание в кино.

Министр Мединский, неустанно очищающий российское прошлое от многовековых клевет, просто обязан иметь в голове план киноистории, чуть более широкий, чем производство движущихся картинок к юбилейным торжествам, хотя, к нашему стыду, у нас и про Первую мировую войну было снято меньше фильмов, чем в Турции.

Конечно, существует опасность, что государство будет финансировать только такое историческое кино, которое полностью соответствует содержанию будущего «единого учебника истории», по сути уже сложившегося в головах чиновников. И тут вновь уместно вспомнить пример англичан, которые недавно откопали кости легендарного злодея Ричарда III, а заодно и реабилитировали его, вопреки Шекспиру, как монарха и как красивца мужчину. А наш Лжедмитрий – разве удивительный год его царствования не заслуживает красивого и честного фильма, свободного от историче-

ских штампов?

Есть, правда, еще одна вещь, без которой нельзя делать хорошее кино ни о прошлом, ни о сегодняшнем дне. Я говорю о любви.

В свое время я посмотрел фильм Альмодовара «Возвращение». Фильм и сам по себе хорош, но кое-что в связи с ним меня поразило больше самого фильма. Альмодовар рассказывает в нем о простых испанцах – частью перебравшихся в Мадрид, а частью живущих в родной отсталой деревне. И нельзя сказать, что это идиллические герои; по ходу фильма они творят довольно страшные вещи. Но Альмодовар – эстет, интеллигент, гомосексуал и богатый человек – этих своих героев любит. Любит просто как соплеменников, людей одной с ним крови.

Такой любви часто не хватает нашим творцам. Вместо нее мы встречаем интеллигентскую спесь, доходящую до социального расизма, и во многом именно это делает провинциальным и наше кино, и любое движение нашей мысли. Лишь полюбив Россию, мы сможем вновь заинтересовать ею весь мир.

«Известия», 25.05.2013

Скептики сраму не имут

Случилось то, чего многие с надеждой ждали, иные же опасались. Марат Гельман уволен с поста директора Музея современного искусства PERMM, созданного им же почти пять лет назад.

В последнее время Гельман терпит поражение за поражением. В позапрошлом году он был изгнан из Твери, где пытался воспроизвести свой пермский опыт, преобразив в музей еще один речной вокзал. Неудачным оказался завоевательный поход на Краснодар: город приветствовал культуртрегера потасовками и плевками. И вот теперь Марата Александровича разлучили с его любимым пермским детищем. Отныне и весь большой региональный проект Гельмана можно считать закрытым.

На одинокую борьбу Гельмана за окультуривание российских просторов поначалу нельзя было смотреть без сочувствия, как на всякое безнадежное предприятие. У нас в России столицы легко всасывают талантливых людей и с большим скрипом их отдают. В различные времена наиболее действенными механизмами для переноса культуры из столиц в провинцию были каторга, ссылка и эвакуация. Например, именно благодаря эвакуации в той же Перми возникла серьезная балетная школа. Но что делать, если у нас нет ни войны, ни репрессий? Как заставить Москву поделиться с

губернскими городами хотя бы малой частью накопленных ею культурных ресурсов? Гельману показалось, что он нашел блестящий способ: просто прийти к губернатору и попросить денег из вечно бедствующего областного бюджета.

Это было нагло, но по-своему эффективно; примерно в той же манере действовал похотливый поручик Ржевский: девять девушек отхлещут по щекам, но одна все-таки согласится. В нашем случае согласились Пермь и – ненадолго – Тверь, что уже неплохо. Как же Гельману удалось обаять этих русских красавиц?

Сам Марат Александрович любит подчеркивать свой демонизм и магнетизм, представлять себя чуть ли не Березовским культурного фронта. В свое время он даже проводил в интернете конкурс стихов на тему «Чорный Гельман». На самом деле его успехи на ниве «джи-ара» (взаимодействия с государственными органами) имеют под собой здравую материальную основу. Он не предлагал властям региона разориться на культуру; напротив, он предлагал сэкономить на ее производстве. Он показывал: современная культура может и должна быть дешевой – недаром история музея PERMM начиналась с выставки «Русское бедное». Фьють! – и лучшие художники слетятся в ваш город. Щелк! – и лучшие дизайнеры приедут, чтобы его украсить. Красная буква «П» на въезде в город стоит недорого. Красные безголовые человечки, тут и там расставленные на улицах, не стоят почти ничего. Но зато – узнаваемый фирменный стиль! Зато – непре-

рывная суэта фестивалей, брызги фуршетного шампанского, вся та столичная движуха, которой так не хватало угрюмому промышленному городу-миллионнику.

Эта перспектива дешевой культуры, готовой культуры, которую не нужно выращивать годами, а можно просто сорвать с московской грядки и отправить в рот, более того – не какой-то там посконной и доморощенной, а идущей в ногу с мировыми трендами, была настолько притягательна для прогрессивного губернатора Олега Чиркунова, что он и не думал обращать внимание ни на проклятия православных патриотов, требовавших изгнать посланца сатаны, ни на жалобы представителей местной, догельмановской культуры, голосом которых стал писатель Алексей Иванов. Более того, и новому губернатору Виктору Басаргину, сменившему Чиркунова, сперва нечего было возразить против логики гельмановского проекта.

Впрочем, возражения нашлись, и тоже вовсе не мистического, а вполне земного свойства. Бюджет гельмановского фестиваля «Белые ночи» – 250 млн рублей – показался краевым депутатам чересчур жирным. Выходит, что на культуру, столь дешевую в изготовлении, списывались вовсе не маленькие деньги и этот факт, вполне возможно, еще больше убеждал прежнее руководство области в эстетической правоте московского культуртрегера. Но теперь скептики, которых Марат Александрович посрамлял все эти годы с невозмутимостью циркового дрессировщика, могут торже-

ствовать.

Виктор Басаргин говорит: «Все то хорошее, что дал краю и городу фестиваль, что понравилось жителям, должно быть сохранено в будущем». Гельман уходит, но он заслужил благодарность. Не за привозное эрзац-искусство, загородившее вид на местные культурные начинания. Не за ожесточенный самопиар, которым он сопровождает свою деятельность. А за то, что он и в самом деле расшевелил сонный муравейник, заразил и сторонников, и противников идеей культурной столицы в Предуралье и эта идея теперь уже не умрет.

А главная мораль этой пятилетней истории, мне кажется, вот в чем. Российской провинции не хватает не столько культуры, сколько культурной самостоятельности. Есть привычка оглядываться на Москву, которая и сама оглядывается то на Лондон, то на Нью-Йорк, и именно на этой вечной оглядке, то боязливой, то восторженной, то завистливой, построил свою игру Гельман. Но разве «пермский миф» Алексея Иванова или, скажем, «марийский миф» Дениса Осокина не может быть интересен всему миру без каких-либо скидок на провинциальность, как в свое время был ему интересен чуваш Айги или мордвин Эрзя? Поэтому лучшее, что могли бы сделать столичные культуртрегеры, – это помочь местной культуре развиваться и выйти на мировую дорогу, а не давить ее в зародыше броским демпинговым товаром.

«Известия», 25.06.13

Власть поэтов

Поэт Алексей Улюкаев поздно дебютировал в большой литературе. Его первая подборка в толстом журнале «Знамя» вышла в конце 2011 года, когда ему было 55 лет. Служители Евтерпы приняли его скромные дары с удивительной благосклонностью, и вскоре в том же издании вышли еще две подборки. В прошлом году поэт выпустил сборник стихов в твердой обложке, который был нежно облизан рецензентами. Казалось, перед бурно стартовавшим стихотворцем лежит ясная дорога: литературные премии, участие в фестивалях, выступления в шумных шалманах и детских библиотеках... Но тут вдруг пошла в гору его карьера по другой линии, куда менее интересной для любителей изящной словесности: Алексей Улюкаев, до того работавший заместителем председателя Банка России, несколько дней назад был назначен министром экономического развития.

Пресса запестрела тревожными заголовками: «Поэт ответит за рецессию», «Поэт ответит за ВВП». Похоже, теперь редкая статья о деятельности нового министра будет обходиться без цитат из его стихов. Экономистам впору учиться отличать ямб от хорей и гадать о будущем по случайно открытым страничкам улюкаевской книжки с непатриотичным названием «Чужое побережье».

Есть от чего прийти в отчаянье, если учесть тот образ по-

эта, который сложился в народном сознании. Согласно распространенному стереотипу, поэт – существо психически неустойчивое, неприспособленное к жизни, много пьющее, ненадежное как в амурных, так и в финансовых делах, да и вообще, как проговорился Пушкин, несколько глуповатое. И вот, выходит, человек такого склада теперь отвечает за наш экономический рост?

Впрочем, если мы оглянемся на мировую историю, то увидим, что социальные маски, которые в разные эпохи и в разных странах надевали на себя поэты, были не менее разнообразны, чем занятия веселых чижей из стихотворения Хармса: поэт-жрец, поэт-воин, поэт-колдун, поэт-ученый, поэт-актер, поэт-шут. И, разумеется, поэт-чиновник, поэт-царедворец. В XVIII-м, да и в XIX веке государева служба была естественным прибежищем для русских стихослагателей. Высоко поднялся Херасков, но еще выше – наш чудесный татарин Гавриил Державин, дослужившийся до министра юстиции. Насмехаясь устами Чацкого над екатерининскими вельможами, Грибоедов, особо не целясь, попал и в этих поэтов. Но автор «Горя от ума» и сам достиг известных степеней по ведомству иностранных дел – равно как и Тютчев, которому время от времени приходилось сочинять рифмованные поздравления начальству.

Революция привела к власти людей с фантазией. Плохие декадентские вирши писали Луначарский и Менжинский. А вот Иосиф Джугашвили, пока не сделался Сталиным, со-

чинял довольно миленькие стишата. При нем и после него коммунисты стали строже и скучнее: стихи Юрия Андропова и Анатолия Лукьянова – одинокие (хотя и хрестоматийные) примеры поэтического баловства на вершинах советской империи.

И все же ни в одном российском правительстве не было столько стихотворцев, как в нынешнем. В кабинете министров Улюкаева, без сомнения, радостно встретили братья по служению музам. Сочиняет стихи Аркадий Дворкович, еще один ключевой член экономического блока правительства. Глава МИДа Сергей Лавров – тоже поэт, и даже песенник (автор слов гимна родного МГИМО: «Это наш Институт, это наше клеймо»). И буквально только что освободился от державных трудов мрачный поэт-декадент Владислав Сурков.

В этот сложный период, когда в мировой экономике и политике устойчиво пахнет жареным, поэты в министерских креслах как нельзя кстати. Все промахи, все временные трудности можно было бы свалить на чиновных стихотворцев. Вы же понимаете, поэты – они как дети, что с них взять? Задумался о высоком, погнался за крылатой рифмой, убежал в широкошумные дубровы.

Тут уж пора насторожиться поэтическому сообществу: а вдруг именно поэты, а не геи и не иностранные агенты, будут объявлены виновниками неурядиц и недородов? Ведь предлагал же Платон изгнать поэтов из общества, так поче-

му бы в будущем у нас не появиться законопроект о запрете поэтической пропаганды?

А если серьезно – мешает ли сочинение стихов государственному управлению? Опыт многих прекрасных поэтов показывает: если уж поэт берется за какое-то дело, то в этом деле он достигает профессиональной состоятельности. Например, поэт Сергей Шестаков – математик, автор популярнейшего в стране школьного задачника. Андрей Сен-Сеньков – врач-иглотерапевт. Алексей Кубрик – реставратор антикварной мебели. А Владимир Костельман, еще один автор журнала «Знамя», – бизнесмен, один из богатейших людей Украины.

Что же до Алексея Улюкаева, «поэта-бухгалтера» (так, между прочим, называлась древняя статья Лимонова о Бродском), то его стихотворные опыты все же больше похожи на благородное хобби занятого человека и неплохую гимнастику ума. Этому хобби преданы без всякого отрыва от производства десятки тысяч других бухгалтеров, банкиров, заводчиков собак, инструкторов по стрельбе и ценных специалистов иного профиля, которых можно повстречать на сайте «Стихи.ру». Вот что на самом деле вредит госуправлению, так это танцы на барной стойке. Давеча один британский министр через это дело ногу сломал, и его, представьте себе, пока не уволили.

«Известия», 26.06.2013

Имперская линза

У меня есть любимый американский фильм The Sunshine Boys. Это фильм о двух старых комиках, которые в незапамятные времена выступали дуэтом, смертельно поссорились, а теперь должны выяснить свои отношения, чтобы на один вечер воссоединиться для прощального шоу. Я вспоминал про это кино в последние дни, когда ссора двух поэтов, случившаяся сорок с лишним лет назад, неожиданно оказалась в центре общественной дискуссии, потеснив и бирюлевскую овощебазу, и горячие точки мира.

Евгений Евтушенко побеседовал с Соломоном Волковым. Ожидалось, что говорить со знаменитым собеседником Бродского он будет прежде всего о Бродском – мол, не был гонителем, а был ценителем, и вообще жаль, что все так получилось. Это и было сказано, но разговор постоянно сбивался на что-то другое: что ел Евтушенко, что пил, каких женщин любил и как их бросал. А Бродский вдруг взял и протянул руку из могилы, сложив пальцы в непримиримый кукиш: именно так было воспринято интервью 1972 года, очень вовремя, как рояль из кустов, появившееся на интернет-портале Colta.ru. По этому сигналу началась повсеместная месиловка между бродкистами и евтушенковцами, от которой сложно было остаться в стороне человеку, неравнодушному хотя бы к каким-нибудь стихам.

Отчего же поссорились Иосиф Александрович и Евгений Александрович? Завидовал ли Евтушенко более глубокому, метафизическому дару своего младшего приятеля? Или, может быть, это Бродский завидовал раннему успеху и материальному благополучию Евтушенко? Или же они – экстраверт с интровертом – просто не сошлись психотипами? Все это может быть правдой, но отношения этой пары невозможно, да и неинтересно рассматривать, если не замечать участия в них третьей, наиболее могущественной стороны.

«Поэт в России больше, чем поэт» – это одна из самых известных строк Евтушенко. Понимать ее можно и так, что государство в России – это линза, способная зрительно увеличить поэта. Важность происходившего со страной и народом придавала вес и стихотворному слову. У поэта был выбор: он мог стать частью пейзажа, на который была направлена линза, рядом с комсомольскими стройками, надоями и намолотами, а мог сделаться кляксой на стекле, пятном на советской действительности. Бродский и Евтушенко выбрали разные стратегии игры с государством, и именно из этого вырос их конфликт.

Этот конфликт не нов в русской поэзии; можно вспомнить хрестоматийную пару Пастернак – Мандельштам. Пастернак всю жизнь, до самой истории с «Доктором Живаго», играл с властью в ленивый дачный бадминтон. Подобно Евтушенко, он ценил «огромность квартиры». «Ну вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи», – сказал он по случаю мимо-

летнего мандельштамовского новоселья. В ответ на это Мандельштам написал самое желчное из своих стихотворений. Но это не значит, что он сам не играл с государством, просто игра у него была своя. Как Блейк своим тигром, любовался он «веком-волкодавом», понимая, что они не разделены зоосадовой решеткой.

Живя в вегетарианские времена, Евтушенко и Бродский играли в менее рискованные игры, но их стратегии соотносились примерно так же. «Римская Империя времени упадка» – это расхожее сравнение Окуджава вставил в песню, а для Бродского имперство Третьего Рима было сердцевинной личного мифа, явленной нам в приторно-попсовых «Письмах римскому другу». Империя нуждалась в придворных поэтах и с неизбежностью плодила поэтов опальных. Бродский сделался первым среди опальных, вроде Овидия, а Евтушенко – первым из придворных, хотя я не рискну уподобить его Горацию – адресату одного из поздних эссе Бродского.

Но придворный поэт – не означает на 100 % сервильный, иначе пропадет смысл игры. Нет, нужны постоянные метания, фронда, прощупывание границ дозволенного, почти шпионская суета. Поэтому верноподданнические вирши в советских газетах перемежались у Евтушенко настолько убедительными прокламациями про «наши танки на чужой земле», что даже пламенная Новодворская отчасти признает его за своего.

Задача опального изгнанника была технически проще и

поэтически благодатнее: знай себе пиши стихи и жди, когда Нобелевский комитет ткнет в тебя, как опытный ювелир в нужную точку кристалла, – и магический кристалл империи расколется.

Исчезновение державы обесмыслило спор антагонистов. Государству, стремившемуся к нулю, не нужны были ни придворные поэты, ни опальные. Евтушенко и Бродский успели впрок запастись славой, а вот для молодых поэтов, рассчитывавших прийти им на смену, перемена времен стала трагичной. Денис Новиков, благословленный обоими, сначала бросил писать стихи, а потом умер в пушкинские тридцать семь. Еще раньше покончил с собой Борис Рыжий, и все по той же причине: несоответствие амбиций резко упавшей цене приза.

А потом случилось нечто необычное для русской истории: государство укрепилось, вернуло себе утраченные позиции и стало даже помывать обществом, но не пожелало возобновить игры со стихотворцами. В проекте «Гражданин поэт» Дмитрий Быков сделал главу государства основной мишенью – представим себе Мандельштама, каждую неделю пишущего что-нибудь вроде «Мы живем под собою не чуя страны». Популярность есть, но власть – безмолвствует, не карает и даже не награждает. Так и не напросился на гонения народный трибун Всеволод Емелин. Единственными, кто в последнее время смог втянуть власть в игру с рифмованными строчками, стали девушки из Pussy Riot, но это исключе-

ние лишь подтверждает правило.

И в то же время ажиотаж, который возник вокруг давней ссоры одного очень старого поэта и одного мертвого, говорит о массовой тоске по тем временам, когда поэтическое слово что-то значило для жизни страны, и даже, может быть, о запросе на нового большого поэта. Современное поэтическое сообщество, в основном состоящее из узких ремесленников и привыкшее злобно шипеть на любого соискателя всенародной славы, такой запрос удовлетворить не в состоянии. Возможно, это и к лучшему, а то, чего доброго, большой поэт вновь придет к нам в комплекте с надоями, намолотами и комсомольскими стройками.

«Известия», 30.10.2013

Новые кербабаевы

Актер Евгений Миронов сыграл немало прекрасных ролей. Не знаю, мечтал ли он сыграть Берды Кербабаева, но на днях, сам того не осознавая, он эту роль исполнил.

На страницах «Российской газеты» актер атаковал Юрия Полякова, главреда «Литературки», обвинил его в «низости» и обозвал «подлецом». «Нет никакого смысла спорить с Вашими нападками на личность и творчество Александра Солженицына, – пишет Миронов, – хотя гнусность тона и лживая суть обвинений в его адрес заставляют с содроганием вспомнить о самых мрачных страницах в истории нашей страны».

Одну страницу я точно вспомнил. Пожелтевшую газетную страницу сорокалетней давности (кстати, из той же «Литературки») с крупным заголовком «Конец литературного владовца». Там-то и отметился, сходя в гроб, туркменский классик Берды Кербабаев: «За свой долгий век я встречал разных людей. Попадались и такие, что не только соседей, но и мать, вскормившую их, готовы были оплевать. Они всегда вызывали омерзение. К ним отношу я и Солженицына».

Ему вторил соцреалист Михаил Алексеев: «Но можно ли молчать и терпеть, когда оскорблена совесть миллионов, когда возводится злобная и целенаправленная хула на самые великие наши национальные ценности...» и так далее, и то-

му подобное.

Как видим, стилистику тех мрачных страниц Евгений Миронов воспроизвел один к одному. Сорок лет бродили мы по пустыне и вот пришли в ту же точку, уткнулись в потный восточный халат дедушки Берды.

Кто бы мог подумать: нашелся-таки повод, по которому официальная «Российская газета», пламенно-оппозиционная «Новая газета» и либерально-плюралистическое «Эхо Москвы» – лебедь, рак и щука нашего информационного рынка – с энтузиазмом впряглись в единую кампанию травли.

Наверное, Поляков и вправду сказал нечто ужасное про Александра Исаевича? Обнажил его скрытые пороки, оскорбил родных и близких?

Ничего подобного. О Солженицыне Поляков написал восемь строчек, из которых сомнения вызывает ровно одно предложение: «Солженицын не просто уехал в свое время из Советского Союза (а СССР, хотим мы того или нет, по сути одна из политических версий исторической России), но и фактически призывал американцев начать против него войну».

Разумеется, Солженицын не «просто уехал», а был принудительно выслан. Тут Юрий Поляков явно дал маху. А вот о второй части этого предложения имеет смысл поговорить поподробнее.

Защитники Солженицына единодушны: никаких подобных призывов Александр Исаевич не произносил. Но если

нет огня, то откуда взялся дым?

Наталия Дмитриевна, вдова писателя, уверяет, что Поляков воспроизводит клевету, состряпанную 5-м управлением КГБ. Литературовед Людмила Сараскина ссылается на слова самого Солженицына о том, что его якобы «переврала американская пресса».

Но вот что странно: серьезные люди спорят, ставят на кон свои репутации, но ни один из них не говорит: а какие, собственно, призывы имеются в виду?

В романах Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом») в самом деле есть эпизоды, в которых персонажи призывают американскую атомную бомбу на головы советских вождей. Но автор, как мы знаем, за персонажей не отвечает.

А вот за эти слова автор, без сомнения, отвечает: «Коммунистические лидеры говорят: „Не вмешивайтесь в наши внутренние дела. Позвольте нам душить наших граждан в тишине и покое“. Но я говорю вам: вмешивайтесь больше и больше, вмешивайтесь столько, сколько вы можете. Мы просим вас прийти и вмешаться».

Это из речи Солженицына перед представителями профсоюзов США, произнесенной в июне 1975 года. Всего писатель произнес пять речей на американской земле, они были в том же году изданы YMCA-Press в сборнике под названием «Американские речи».

Я привел цитату в обратном переводе с английского, по-

сколькy русский оригинал, кажется, довольно трудно найти. Впрочем, английские тексты этих речей сразу же стали фактом американской политической жизни; они цитируются во множестве политологических книг и до сих пор переиздаются.

Дело в том, что Солженицын выступил в удачный момент: в США начиналась очередная президентская кампания, и Рональд Рейган, борясь за республиканскую номинацию, ухватился за изгнанного писателя как за важного идейного союзника в борьбе против политики разрядки, придуманной тогдашними лидерами демократов. Тогда Рейган назвал Солженицына «великим маяком человеческой храбрости и нравственности». Через несколько лет он все-таки стал президентом, и в его концепции «СССР – империя зла» был отзвук мысли Солженицына о том, что нравственность в политике выше закона.

Вся последующая внешняя политика США воплощает идеи, высказанные тогда Солженицыным: Америка – главная сила добра и должна сеять это добро по всему миру, не стесняя себя суверенитетом других государств. Отдельные абзацы упомянутой речи мог бы произнести Барак Обама.

Более того, в этом же духе сейчас высказываются и многие вожди «либеральной интеллигенции», умоляющие США давить Россию где только можно.

Нет, «фактически» Солженицын не призывал американцев нападать на нашу страну: из приведенной цитаты тако-

го вывода сделать нельзя. Но гуманитарные бомбардировки Югославии, «цветные революции» и «арабская весна», петля на шее Саддама и истерзанный труп Каддафи – все это никак не противоречит тогдашним мыслям Александра Исаевича. Он подсказал, он подучил. Может быть, позже у него был повод в этом раскаяться. Но что было, то было.

Умалает ли это величие писателя? Мне кажется, что нет. Солженицын прекрасен тем, что спорен. В нем спорно все – и литературные достоинства его книг, и политические взгляды, и причудливый вклад, внесенный им в развитие русского языка.

Бесспорно только одно – масштаб личности.

Из всех книг Солженицына мне больше всего нравится «Бодался теленок с дубом». Это лирическая книга: в ней он пишет не о судьбах России, не об ужасах лагерей, а о себе. В ней он и маленький человек, живущий в страхе, вечно что-то прячущий и перепрыгивающий, и титан, бросающий вызов Олимпу. Вроде и русская история, а совершенно американская: одиночка против системы.

Юрия Полякова, конечно, пока трудно сравнивать с Солженицыным по масштабу его исторических деяний, тут его оппоненты правы. Но сегодня он сам выглядит как одиночка против системы. И если он говорит вещи спорные и даже возмутительные, то не стоит поступать с ним так, как советские кербабые поступали с автором «Архипелага ГУЛАГ». Вообще ни с кем не стоит.

«Известия», 30.09.2014

Певец Кавказа и крымская платформа

Вновь всплыла старая проблема лермонтоведения: писал или не писал Михаил Юрьевич Лермонтов «Прощай, немытая Россия»?

Конечно, я помню эти стихи из школьной хрестоматии, а хрестоматия врать не может. Вместе с тем мне кажутся вескими доводы людей, полагающих, что эти строки были злонамеренно приписаны поэту уже после его ранней гибели.

На самом деле меня устраивают обе версии. Не писал? Ну и хорошо. А если написал, то будем считать, что гению простительно.

Спорное стихотворение вспомнил Владимир Путин на своей пресс-конференции, отвечая на вопрос о «пятой колонне», о том, чем она отличается от оппозиции.

По мнению Путина, «оппозиционер, даже очень жесткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей родины, а „пятая колонна“ – это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, и их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей».

Например, Лермонтов, по словам президента, был оппозиционером, но вместе с тем патриотом.

Я бы уточнил: Лермонтов, конечно, не был оппозиционером в современном смысле, он не принадлежал ни к какой политической организации и не ходил на «писательские прогулки» – ну, если только под ручку с дамой. А кем же был Лермонтов? Бунтарем, как и положено романтическому поэту.

Но как раз для романтического сознания «бунтарь» и «патриот» – понятия родственные, а вовсе не противоположные. Немецким патриотом считался студент Занд, убийца Августа Коцебу. Патриотом Греции был князь Ипсиланти, прообраз Игоря Стрелкова. Наконец, разве декабристы не были патриотами? Конечно, были – ведь они действовали из чистой любви к Отечеству, не будучи направляемы ни одной иностранной державой.

Впрочем, Пушкин, пылко поддерживавший декабристов, к тридцати годам стал образцовым консерватором. Я уверен, что консерватором, да еще каким, сделался бы и Лермонтов, если бы не мартыновская пуля. Стало быть, дуэльные выстрелы, вину за которые русское прогрессивное общество традиционно возлагало на козни Третьего отделения, возможно, лишили Россию сразу двух влиятельных лоялистов, которые весьма пригодились бы ей позже, в эпоху великой реформы.

Обращение президента к примеру Лермонтова, к примеру юной дерзости и интеллектуального бунта переворачивает прежнюю полуофициальную концепцию, согласно ко-

торой полезной считается оппозиция «умеренная», а вредной – «радикальная». Нет, говорит нам Путин, дело вовсе не в этом – или, по крайней мере, не только в этом. Дело в том, где у оппозиции находится, выражаясь международным юридическим языком, «центр жизненных интересов».

Иными словами, оппозиция, как и буржуазия, бывает национальной, а бывает компрадорской.

Одни искренне стремятся искоренить кричащие безобразия нашей жизни, другие желают использовать эти безобразия для захвата власти, неизбежно приходя к лозунгу «чем хуже, тем лучше». Одни предлагают свое видение самостоятельного развития страны, других беспокоит только то, что мы сорвались с американского поводка и не хотим бежать в единой своре «цивилизованного мира». Одни прислушиваются к своему народу, для других окружающее население, пресловутые «86 %», – досадная помеха, не позволяющая разудеться их «элитным» плечам.

Вот эту-то компрадорскую оппозицию мы и называем то либералами, то прогрессивной общественностью, то «пятой колонной» – в общем, как бог на душу положит. Между тем тот вопрос про «пятую колонну», который был задан президенту скорее с фрондерскими намерениями, именно сейчас должен быть разрешен содержательным образом.

Пока текли тучные годы, все виды оппозиции можно было заметать под коврик единым веником, просто чтобы не мешала. Торжествовала относительная бесконфликтность. Ко-

гда над страной хлещет ливень из нефтедолларов, какая разница, кто сколько насобирал в свое персональное ведерко? Все равно всем что-то досталось – кому-то особняк в Белгравии, кому-то иномарка средней паршивости.

Поэтому и аудитория разоблачений Навального в конечном счете стала концентрироваться вокруг тех же политических компрадоров, один из ярких представителей которых, Геннадий Гудков, кстати, недавно приобрел недешевый домишко в Лондоне.

Но теперь мы вступаем в тощую полосу: по крайней мере, два года великого поста президент нам обещал. Отныне любой политический курс будет кого-то делать богаче, а кого-то беднее, в худшем же случае мы все будем беднеть, но тоже неравномерно. Это будет порождать конфликты уже не между кабинетами отдельных чиновников или блогами отдельных активистов, а между огромными социальными слоями, между отраслями или регионами.

Теперь, когда экономическая власть довела население до растерянности, граничащей с паникой, мы не можем всех недовольных зачислять в «пятую колонну» – что же мы будем делать, если недовольны будут пресловутые 86 %?

Теперь позиция «жираф большой, ему видней» – это вообще не позиция патриота. Лермонтов бы не одобрил. Жираф – как правительственный, так и центробанковский – неубедительно показывает свою компетентность и еще менее убедительно рассказывает, чего и как он намерен добиться.

Это недовольство и эти конфликты должны транслироваться в публичную политику. Альтернативные идеи должны громко звучать и серьезно обсуждаться. Новые люди, способные заменить не справляющихся чиновников, должны быть видны обществу. Отсутствие внятной, дотошной и дерзкой оппозиции не укрепляет власть. Напротив, оно, деморализуя патриотических оппонентов власти, дает шанс ее фанатичным врагам.

Хотя, по признанию президента, границу между оппозицией и «пятой колонной» провести трудно, нужно научиться это делать, причем ровно для того, чтобы национальной оппозиции дать максимальную свободу, а вот псевдооппозицию, компрадорскую оппозицию, мягко вытеснить на обочину публичного поля.

Самый простой тест, который можно предложить, подсказывает сама «пятая колонна», она его очень любит. Это – отношение к российскому Крыму.

Историки будущего еще ждут споры о том, могла ли Россия уклониться от воссоединения с Крымом. Но, похоже, это событие уже тем послужило Отечеству, что четко выявило всех тех, чей центр жизненных интересов находится не в России и не с русскими. «Крымская платформа» – это сегодня то, что способно объединить власть и национальную оппозицию вокруг высших целей и в то же время создать основу для реального политического плюрализма.

Пастернак: поэт против проекта

Борису Пастернаку исполняется 125 лет, но юбилейных речей не хочется. Каратели обстреливают Донецк. Бандеровцы маршируют по Одессе – родному городу отца поэта. Едва не отменились электрички, не раз им воспетые. Рубль, опять же, упал, дорожают овощи. Там видели баклажаны по 600 рублей, тут кабачки по 400. Пастернак тоже нынче дорог.

Пастернак – это корнеплод. Он очень полезен. Специалисты говорят, что он повышает потенцию. Фамилия Пастернак как нельзя лучше подходит поэту чувственной любви, извивов женского тела, восторга и радости жизни, второму в нашей поэзии после Пушкина.

В Советском Союзе, самой читающей стране мира, но явно не самой гурманской, многие узнавали поэта Пастернака раньше, чем растение пастернак. Я из их числа.

Вернее, сначала я услышал стихи. Это были восемь строк из «Августа», прозвучавшие в телепередаче «Очевидное – невероятное» где-то в конце 1970-х:

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:
Прощай, размах крыла расправленный,

Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Автора не назвали, но я сразу подумал: кто бы это ни был, отныне он – мой любимый поэт. Примерно через два года я узнал имя автора: Борис Пастернак.

Так сбылось написанное им про «восемь строк о свойствах страсти»:

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Эти строки, в свою очередь, – эхо финальных слов Горацио из «Гамлета», которые в руганом-переруганном переводе самого Пастернака звучат так:

Расскажу о страшных,
Кровавых и безжалостных делах,
Превратностях, убийствах по ошибке,
Наказанном двуличье и к концу –
О кознях пред развязкой, погубивших
Виновников.

Эта особенность слуха очень характерна для Пастернака: эпоха кричит ему о страшных, кровавых делах, а он, как бы

намеренно не понимая, чего от него хотят и ждут, пишет о грешках против семейных устоев, о локтях, ладонях, скрещеньях рук, скрещеньях ног. Так и в знаменитом разговоре со Сталиным о судьбе арестованного Мандельштама: тот ему о деле, пахнущем будущей кровью, а этот: «Я хотел поговорить с вами о жизни и смерти».

В советские времена, когда любители большого стиля в поэзии еще не были придавлены могильной плитой Бродского, Пастернак входил в «большую четверку» поэтов, наиболее чтимых фрондирующей интеллигенцией.

Подразумевалось, что члены этой четверки отвечают двум требованиям: они писали несоветские стихи и преследовались советской властью. У Пастернака, впрочем, был низкий балл по обоим пунктам.

Его истинная компания в поэзии – это не богема Серебряного века, не посетители башни Иванова, а «Тихонов, Сельвинский, Пастернак», да еще Багрицкий, в стихах которого перечислена эта троица. «Нас мало. Нас, может быть, трое // Донецких, горячих и адских»: в этих строчках Пастернак вряд ли имел в виду манерную Ахматову или Цветаеву, с которой его связывал лишь долгий виртуальный роман.

С преследованиями тоже было неважно. Мандельштама сгноили в лагере, Цветаева повесилась, у Ахматовой расстреляли мужа и посадили сына, а Пастернак, как правильно заметил Галич, «умер в своей постели», причем постель эта находилась в элитном дачном поселке.

«Репрессии» продолжались три последних года жизни и свелись – хвала хрущевской оттепели – к газетной травле («роман не читал, но осуждаю») и исключению из СП.

И вместе с тем Пастернак был не только любим тайными и явными «антисоветчиками», но и особо символичен для них, равно как и для их противников. Можно сказать, что параллельно поэту Пастернаку существовал его интеллигентский стереотип, «проект Пастернак».

«На нынешнем беспастерначье и Евтушенко Пастернак», – говорили знатоки поэзии. «Пастернакипью» клеймили молодых авторов журнальные литконсультанты. Иван Шевцов в романе «Тля» заставляет своих героев, художников, обсуждать именно стихи Пастернака. Невинное стихотворение поэта, спетое в фильме «Ирония судьбы», воспринималось как фига в кармане. Наконец, эпоха «возвращенной литературы» в перестроечное время открывается в 1988 году публикацией в «Новом мире» романа «Доктор Живаго».

Возможно, наиболее близкой и родной для советского интеллигента чертой личности Пастернака была его способность сочетать внутреннюю духовную свободу с бытовой устроенностью, каким-то органическим мещанством («когда ты падаешь в объятия в халате с шелковой кистью» – это почти «диванчик плюш, болванчик из Китая»).

Способность очень соблазнительная, скажем, для гумани-тария, который, отрубив всю неделю в Институте междуна-

родного рабочего движения, в воскресенье едет к отцу Мению, чтобы помолиться в компании таких же, как и он, культурных людей с хорошими лицами, половина которых увлекается собиранием икон, – и плевать ему было на то, что свой налаженный быт Пастернак купил не идеологическим лакейством, а изнурительным переводческим трудоголизмом.

Да и вообще кого еще чтить владельцам дач в Кратово или Фирсановке, как не поэта-дачника, певца подмосковных рощ?

Разумеется, был еще и нобелевский казус. Пастернак был первым отечественным литератором, вокруг которого возникла шумиха с участием Запада. Можно даже сказать, что он, сам того не желая, стал первым советским диссидентом, поскольку диссидент – это не просто несогласный, а несогласный, за судьбой которого внимательно следит Запад.

До выхода «Доктора Живаго» западной общественности не было никакого дела до того, что происходит с русскими писателями и поэтами. Лион Фейхтвангер, Андре Жид, Ромен Роллан и т. п. не рвались вытаскивать из ссылки Мандельштама, спасать от расстрела Бабеля или Павла Васильева. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» никак не обсуждалось интеллектуалами цивилизованных стран. Этих проблем не существовало ни для них, ни тем более для западных правительств.

И лишь начиная с 1957 года жертвы советской цензуры становятся героями на Западе. Дальше пошло по накатан-

ной: Солженицын, Бродский, альманах «Метрополь»...

Как раз к нынешнему юбилею ЦРУ рассекретило документы, из которых следует, что именно эта организация стоит и за широкой публикацией «Доктора Живаго», и за присуждением автору романа Нобелевской премии. По мере раскрытия секретов более позднего времени мы, возможно, будем все больше и больше узнавать о том, как на самом деле была организована поддержка неподцензурной литературы в СССР.

Так или иначе, советской либеральной интеллигенции больше нет, а ее наследники в массе своей до Пастернака не доросли: в качестве кумиров им больше подходят Pussy Riot. «Проект Пастернак» закрыт, и нам предстоит открывать реального Пастернака, со всеми его противоречиями, высокими болезнями роста и озарениями.

Птица в болотах, по рекам – налим,
Уймища раков.
В том направлении берегом – Крым,
В этом – Очаков.
За Николаевом книзу – лиман.
Вдоль поднебесья
Степью на запад – зыбь и туман.
Это к Одессе.
Было ли это? Какой это стиль?
Где эти годы?
Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль,

Эту свободу?

Ах, как скучает по пахоте плуг,

Пашня – по плугу,

Море – по Бугу, по северу – юг,

Все – друг по другу!

Миг долгожданный уже на виду,

За поворотом.

Дали предчувствуют. В этом году –

Слово за флотом!

«Известия», 10.02.2015

Бродский наш

Двадцать четвертого мая Иосифу Бродскому исполнилось 75 лет. Этот юбилей имеет двойственный оттенок.

Свои пятьдесят поэт отметил сам; свое столетие он встретит на другом берегу Леты, где память о нем застынет в своей окончательной форме.

Но сейчас его лодка все еще плывет. Сейчас мы вспоминаем поэта, который хотя и умер целое поколение тому назад, но по возрасту своему мог бы жить и действовать в наши дни, как живут и действуют иные его ровесники и даже люди постарше.

Воздержимся от трафаретного «Бродский всегда живой, Бродский всегда с тобой», но в каком-то смысле Бродский и впрямь остается действующим лицом. Его путь в литературе еще не исчерпан и не окончился с его физической смертью.

Основное содержание этой посмертной биографии довольно парадоксально. Это борьба за звание русского поэта.

Нобелевская премия, полученная за русские стихи, ему это звание не гарантировала.

Русскость Бродского часто ставилась под сомнение. Во многом именно из-за Бродского литераторы «патриотического» лагеря стали развивать неуклюжую и надуманную, как птолемеевы эпициклы, теорию разделения поэзии, написанной на русском языке, на «русскую» и «русскоязычную».

Повторяя вслед за Клюевым «наши соловьи голосистей, ох, голосистей», они стремились противопоставить Бродскому как чемпиону «русскоязычной» поэзии то Николая Рубцова, то Юрия Кузнецова – авторов выдающихся, но все же куда более скромных по своему голосовому диапазону. Это был неблагоприятный сизифов труд.

Нерусскость Бродского виделась, конечно же, и в его сугубо городском происхождении («оторванность от корней»), и в крайнем рационализме его неумолимой стихопорождающей машины (стихи, идущие «от головы» и «от сердца» – любимая дихотомия советских внутренних рецензентов).

Но и люди западнического склада воспринимали Бродского как поэта не вполне русского, хотя для них это был плюс, а не минус. Бродский, на их взгляд, был в первую очередь гражданином мира, наследовал не столько своим предшественникам в русской поэзии, сколько непосредственно английской традиции, а его место виделось в мировом пантеоне культуры – рядом с такими англоязычными современниками, как Оден и Хини, поодаль от соотечественников.

Этот миф основан на преувеличениях. Известно, что на момент написания «Большой элегии Джону Донну» поэт толком не знал ни стихов Донна, ни английского языка. Он был просто самопальным англоманом с «тоской по мировой культуре» (Мандельштам), а его представление об Англии было, вероятно, почерпнуто из переводческих трудов Маршака. То, что он в итоге действительно стал частью мировой

культуры, в том числе и англоязычной, – результат его волевого усилия, но никак не образовательного фундамента.

Задолго до Бродского осваивать и присваивать наследие англичан стал Лермонтов, который первым из наших больших поэтов прочел английских романтиков на языке оригинала. Его «Мцыри» – типичная английская романтическая поэма, написанная по-русски. Байрон и Кольридж читаются после нее как нечто уже знакомое. Но никто никогда не сомневался в русскости Лермонтова – как и в русскости Пушкина, писавшего на языке, которым редко пользовался в быту.

Когда Бродский вдохновляется образом Байрона («Новые стансы к Августе»), он это делает, вторя Лермонтову, становясь всего лишь «еще одним не-Байроном».

Марина Цветаева – еще один русский предшественник Бродского. В ее зрелых вещах («Новогоднее», «Попытка комнаты» и т. п.) его поэтика уже вполне намечена, оставалось только брать и развивать. Это влияние Бродский с благодарностью признавал и сам, но как же оно хорошо замаскировано дружбой с Ахматовой!

Однако же стоит вдуматься: «поэт-бухгалтер» (по давнишнему определению Эдуарда Лимонова), накрепко связанный с Ленинградом, по сути наследует поэту, ставшему символом гипертрофированной искренности, – и к тому же москвичке.

Семидесятипятилетний юбилей – повод взглянуть на ре-

зультаты этой посмертной борьбы. Иосиф Бродский, поэт-эмигрант, который некогда считался поэтом для эмигрантов, будущих эмигрантов или внутренних эмигрантов, к настоящему времени воспринят русским обществом как свой, воспринят без оговорок. Идея назвать именем Бродского улицы в Москве и Санкт-Петербурге кажется теперь естественной и не вызывает никакого протеста.

Бродский вошел в культурный код образованного русского человека; Максим Соколов писал, что Бродский – последний поэт, которого может процитировать журналист, не рискуя нарваться на непонимание читателя.

Наконец, приобретшее в последний год актуальность стихотворение Бродского «На независимость Украины» полностью реабилитировало автора в глазах патриотической общественности, хотя переосмысление его гражданской позиции в сторону «имперства» (возможно, столь же натянутое, как и его трактовка в качестве банального «антисоветчика») идет уже давно.

Но в то время как русский читатель осваивал Бродского, русская поэзия его преодолевала.

Бродский не просто задал высочайшую техническую планку русской версификации. Бродский подарил нам и технологию, с помощью которой любой мало-мальски образованный человек может написать кондиционное русское стихотворение. Если Ахматова, по ее словам, «научила женщин говорить», то Бродский научил говорить графоманов.

Можно было попытаться штурмовать эту вершину в лоб, создавать тексты еще более сложно устроенные, еще более насыщенные. Так поступили метаметафористы (Жданов, Парщиков), но их попытка имела лишь ограниченный успех. Плодотворнее и спасительнее для поэзии был уход от поэтики Бродского как можно дальше – в абсурд, верлибр, минимализм, иронический китч.

Здесь и кроется ответ на часто задаваемый вопрос: почему до сих пор не появился поэтический гений, равный Бродскому? Да потому и не появился, что Бродский исчерпал собой тот тип письма, который на данный момент опознается массовым читателем как творение поэтического гения, – обстоятельный, монументальный «большой стиль». Новых бродских ищите на сайте «Стихи.ру» – там их тысячи.

Контраст между новыми типами поэтики и поэтикой Бродского, может быть, радикальнее всего выражен в стихотворении Германа Лукомникова:

Я – з/к языка.

Предельный лаконизм. Но разве не то же самое хотел нам сказать Иосиф Бродский?

От всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи.

«Известия», 25.05.2015

Памяти демона

В Петербурге погиб Мефистофель. Среди бела дня неизвестный рабочий сокрушил его ломом, а другие неизвестные погрузили обломки в «Газель» и увезли в неизвестном направлении.

Доходный дом архитектора Лишневского на Лахтинской улице называли «дом с Мефистофелем» из-за странного горельефа в верхней части фасада: с высоты на прохожих зловеще смотрел пожилой дяденька, обрамленный стилизованными крылами нетопыря.

В петербургском контексте дом 1911 года постройки, довольно типичный для своего времени, выглядит относительным новоделом; показательно, что лишь в 2001 году он был включен в список «вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную ценность».

Я не склонен к суевериям, но мне бы в таком доме было жить неуютно. Там ведь не только Мефистофель. Еще выше находится совсем уж чудовищное изображение – то ли ворон, то ли фантастическое насекомое с огромным клювом-жалом. Если бы я увидел такое в кино, я бы сразу понял, что смотрю фильм ужасов.

Впрочем, петербуржцы – народ, закаленный блокадой и кучей революций. «В Петербурге жить – словно спать в гро-

бу», – написал Осип Мандельштам, а в гробу не беспокоятся о декоре.

И тем не менее я бы не удивился, если бы ликвидация Мефистофеля оказалась делом рук особо невезучего жильца, приписавшего свои несчастья дурному глазу демона.

Однако равнодушная общественность тут же обвинила в акте вандализма неких православных экстремистов, фанатиков, мракобесов: мол, напротив дома строится храм Ксении Петербургской, и будущие прихожане недовольны, что по дороге к храму им придется смотреть на дьявольский лик.

И правда, нельзя же упустить такую замечательную рифму: в то время как ИГИЛ уничтожает сирийскую Пальмиру, наши доморожденные игильчата принялись за Пальмиру Северную. К тому же опять, получается, мы бросаем вызов мировому тренду: в передовой Америке ставят памятник Сатане, а в ретроградской России памятник Сатане разрушают.

Вывод привычный: надо валить из этой страны.

Подыгрывая торопливой общественности, ответственность за демефистофелизацию дома на Лахтинской взяли на себя «Казачи Петербурга». Но это лишь запутало дело: тут же выступили другие казаки, заявив, что никаких «Казачков Петербурга» в природе не существует. Вероятно, это такая же фиктивная организация, как и пресловутые «Коммунисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области», от имени которых периодически выпускаются разные абсурдистские заявления.

Между тем налицо интересная коллизия.

С одной стороны, дом Лишневского, а вместе с ним и низринутый Люцифер, находится под охраной государства, то есть надо его защищать, протестовать и поднимать шум. С другой же стороны, защищать чертей – дело новое, неизведанное. Ходорковского защищали, Навального, Pussy Riot. А Мефистофеля – пока не приходилось.

Вот что теперь делать? Выходить с футболками JE SUIS MЕРНISTO? Это как-то нескромно, знаете ли. Устраивать протестное целование козлиного зада? Негигиенично.

Самые умные эту коллизию поняли, и быстро распространилась версия о том, что дяденька на горельефе – это на самом деле не Мефистофель как таковой, а наш великий певец Федор Шаляпин. Да, в роли Мефистофеля, но ведь Шаляпин. Мол, обожал его архитектор, вот и увековечил. А нетопыриные крылья на самом деле – контур суфлерской будки, хотя что делать оперной звезде в суфлерской будке – решительно непонятно.

Версия эта сомнительна, зато в некоторых источниках можно прочитать, что в первоначальных чертежах архитектора Лишневского никакого Мефистофеля не было, а появился он по настоянию нового владельца дома, якобы сатаниста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.